

The background features abstract watercolor artwork. It includes several circular shapes with white, vein-like patterns and small, stylized faces. One face is at the top center, another is on the right, and a third is on the left. A large, dark, angular shape resembling a chair or a table leg is in the bottom left corner. The colors are muted greens, blues, and yellows.

Александр
Баринов

Бизнес шел в гору. Каждую неделю я отдавал на продажу не менее пятисот тысяч таблеток, лишь изредка выезжая в Москву пополнить запасы экстази.

Хельдур Лухтер

Босяки и комиссары

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Интересное время

Александр Баринов

Босяки и комиссары

2019

Баринов А. Ю.

Босяки и комиссары / А. Ю. Баринов — 2019 — (Интересное время)

Если есть в криминальном мире легендарные личности, то Хельдур Лухтер безусловно входит в топ-10. Точнее, входил: он, главный герой этой книги (а по сути, ее соавтор, рассказавший журналисту Александру Баринову свою авантурную историю), скончался за несколько месяцев до выхода ее в свет. Главное «дело» его жизни (несколько предыдущих отсидок по мелочам не в счет) – организация на территории России и Эстонии промышленного производства наркотиков. С 1998 по 2008 год он, дрейфуя между Россией, Украиной, Эстонией, Таиландом, Китаем, Лаосом, буквально завалил Европу амфетамином и экстази. Зная всю подноготную наркобизнеса, пришел к выводу, что наркоторговля в организованном виде в России и странах бывшего СССР и соцлагеря может существовать только благодаря самой полиции и спецслужбам. Главный вывод, который Лухтер сделал для себя, – наркобизнес выстроен как система самими госслужащими, «комиссарами». Людям со стороны, «босякам», невозможно при этом ни разбогатеть, ни избежать тюрьмы.

Содержание

Предупреждение	6
Предисловие	7
Глава I. Первые опыты	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Баринов

Босяки и комиссары

© Баринов А. Ю., 2019

© «Время», 2019

* * *

Предупреждение

Все, о чем рассказывается в этой книге, – воспоминания реального человека об имевших место реальных событиях. Автор признает, что не может претендовать на абсолютную достоверность и объективность. В силу давности некоторые факты могут быть неточными в деталях. Кроме того, события описаны с точки зрения человека, который далеко не всегда имел представление о реальных масштабах и сути происходящего, их причинах и реальных последствиях. А у других участников тех событий вполне могут быть иные оценки, трактовки и версии их развития. В связи с этим все имена, – помимо имени главного героя, – упоминаемые в книге, изменены. Все приводимые публикации из других источников и документы – реальные.

Автор полностью осознает опасность, которую наркотики представляют для физического и нравственного здоровья как каждого человека, так и общества в целом, и считает рассказанную далее историю еще одним подтверждением этому. В связи с рекомендациями и требованиями международного и национального законодательства, касающимися недопустимости пропаганды наркотиков, автор сознательно опустил, а в некоторых случаях искажил технологические особенности производства наркотиков, а приведенные эпизоды призваны лишь проиллюстрировать всю сложность, опасность и преступную суть такого явления, как наркобизнес.

Предисловие

В один из последних дней октября 2002 года ближе к вечеру на Казанском железнодорожном вокзале в Москве появился весьма примечательный гражданин. Это был высокий, под два метра ростом, худощавый и уже немолодой мужчина, хотя с возрастом его было легко ошибиться. С одной стороны, тонкое, с острыми чертами лицо было изборождено морщинами, с другой, двигался он довольно легко и непринужденно, что несвойственно пожилым, а светлые волосы не позволяли определить, насколько их тронула седина. Формально с этим гражданином все было в порядке – не фрик, не сумасшедший, одет соответственно сезону и обстоятельствам – в джинсы и кожаную куртку, хотя и с некоторой претензией на изящество. На улице стояла классическая московская поздняя осень – по небу бежали рваные тучи, дул не очень холодный, но порывистый и сырой ветер, бросавший на платформу под навес капли моросившего дождя.

Вел себя незнакомец также подобающим месту образом – двигался со стороны крайней левой, если стоять лицом к путям, платформы № 1, с заметным усилием толкая перед собой грузовую тележку с объемной и тяжелой поклажей, поверх которой лежала среднего размера дорожная сумка. Увидев его издали, знающие люди даже справедливо предположили бы, что пассажир держал путь от багажного отделения, которое находится как раз за платформой № 1, где он и получил свой груз, который никак не поместился бы в обычное купе, и где раздобыл для него телегу. А двигался он к автостоянке, расположенной с другой стороны вокзала, за последней платформой № 10, для чего ему нужно было пересечь весь перрон вдоль здания и начала путей. Действительно, так оно и было.

Появление этого пассажира тут же привлекло внимание завсегдаев подобных мест – носильщиков, карманных воров и мошенников, оперативников и постовых, в силу жизненных обстоятельств и профессиональных обязанностей вынужденных днями напролет заниматься наблюдением за окружающей публикой. Для них он выделялся из толпы примерно как верблюд в табуне лошадей. Во-первых, наметанный глаз сразу определял в незнакомце человека со стороны, оказавшегося здесь лишь в силу каких-то особых обстоятельств. Казанский вокзал – московские ворота в Сибирь, на Урал, в Поволжье, на Кавказ, в Азию. Туда и оттуда поездами – в тесноте, с минимумом удобств, по несколько дней в жару и мороз – ездят лишь простые люди. У кого деньги хоть немного водятся, давно уж самолетами летают или, на худой конец, едут на своей машине – с остановками в хороших гостиницах.

Этот же пассажир по многим признакам – не броской, но не дешевой добротной одежде, раскованному и спокойному поведению, свободному взгляду – никак не походил на жителя российской провинции, считающего каждую копейку и боящегося любого представителя власти. А особо проницательный наблюдатель, возможно, даже предположил бы, что он и не из Москвы или Петербурга, а вообще иностранец. И был бы совершенно прав. Но это только малая часть странностей данного гражданина. В конце концов, иностранцы – путешественники и просто любители экзотики – на Казанском вокзале появляются не так уж редко. Но этот явно не турист, не любитель дикой природы или русской старины, что видно по его багажу. На тележке, которую пассажир с трудом катил по перрону, притянутые брезентовыми ремнями и переложенные дощечками, лежали два огромных, почти в два метра длиной стальных баллона. Обычно в таких баллонах, именуемых в народе кислородными или ацетиленовыми, хранят сжиженный или сжатый газ. Правда, что именно в этих, понять было невозможно – баллоны странного пассажира были явно не новые, с остатками синей краски и без каких-либо опознавательных знаков и надписей.

Для людей, привыкших следить за вокзальным пространством и, в зависимости от рода занятий, как-либо реагировать на изменения ситуации, появление столь необычного персо-

нажа создавало ряд неразрешимых загадок. Что это за человек и почему он везет газовые баллоны? Это сварщик? Нет, местные рабочие всем хорошо известны, да и одет он совсем неподобающе для сварщика. Он привез баллоны на поезде? Но это маловероятно: какой идиот и зачем повезет пассажирским поездом газовые баллоны? Если вез грузовым поездом, то и получал бы не здесь, а на грузовой станции. Может, он их украл? Но где и зачем? И почему везет через весь вокзал на глазах сотен людей и вовсе не таится? И почему тогда выглядит как пассажир?

В общем, случись это все в обычный день, высокому гражданину при столь демонстративном поведении вряд ли удалось бы избежать объяснений с представителями вокзального правопорядка, что наверняка вылилось бы в отдельную и довольно длительную историю. Для начала, когда у него попросили бы паспорт и поинтересовались, что он тут делает, выяснилось бы, что пассажир этот – иностранец и плохо говорит по-русски. Сильный характерный акцент выдавал в нем жителя Эстонии, что и подтверждал бы предъявленный синий паспорт со львами на обложке. Изъяснялся по-русски гражданин довольно бегло, но большую часть слов непривычному уху было не разобрать, поэтому вокзальные милиционеры – нередко хорошо натренированные на выуживание взяток и прямое вымогательство – нашли бы в его лице благодатную жертву.

Самого гражданина, надо сказать, такой поворот вовсе не пугал, скорее он был к этому готов. За свою жизнь он много раз выпутывался из куда более сложных ситуаций и хорошо знал, как следует себя вести и как говорить с представителями того или иного российского ведомства. Вокзальные милиционеры в этом смысле для него были самыми простыми и предсказуемыми собеседниками. Что бы он им рассказывал, сказать сложно. Возможно, высокий эстонец предполагал импровизировать, а может, у него были заранее придуманы какие-то объяснения – как очутился на Казанском вокзале, что за баллоны и зачем он тащит. В зависимости от настроения он поступал по-разному, но всегда имел некоторую сумму для взятки. Но ни деньги, ни хитрость ему так и не пригодились, поскольку день это был вовсе не обычный.

Несколькими днями ранее, 23 октября 2002 года, отряд из 40 вооруженных чеченских боевиков, почти половину которых составляли молодые женщины, ворвался в здание Театрального центра на Дубровке в Москве, где в тот вечер шел мюзикл «Норд-Ост». Взяв в заложники более 900 человек – зрителей, актеров, сотрудников центра и его посетителей, террористы заминировали здание несколькими десятками бомб и объявили себя смертниками, потребовав от российских властей вывода войск из Чечни. Двое суток спецслужбы пытались вести с террористами переговоры, а рано утром 26 октября устроили штурм, перед которым в здание через вентиляцию запустили усыпляющий газ. Что это за газ – в России до сих пор считается государственной тайной. Но именно от него, а не от пуль и бомб террористов, в итоге погибло большинство жертв из числа заложников – лишь пятеро из 130 погибших были застрелены. Российские власти до сих пор отрицают, что именно газ убил заложников (и на то у них есть свои причины – чтобы не нести ответственность и не платить компенсации семьям погибших), но сути дела это не меняет. После 26 октября весь мир облетели видеокадры, как участники штурма и добровольцы сотнями вытаскивали тела «уснувших» заложников из здания театрального центра, за руки за ноги, вповалку складывая на крыльце и закидывая в автобусы. И почти чудо, что врачам потом удалось большинство из них реанимировать.

На фоне всех этих жутких новостей, возмущенных споров о том, как почти полсотни до зубов вооруженных бандитов смогли спокойно доехать до Москвы, и насколько оправданно применение при штурме отравляющего газа, странный гражданин из Эстонии и оказался на перроне Казанского вокзала. И это меняло все. В таких обстоятельствах он мог выглядеть уже не просто как странный пассажир со странным багажом, но как возможный пособник террористов, готовящих новый коварный удар.

В баллонах, которые странный гражданин вез в тот день по перрону Казанского вокзала, находилось около 140 кг жидкого метиламина. Любого знакомого с химией и пробле-

мами промышленной безопасности этот факт должен был бы привести в ужас. Метиламин – хорошо известный в профессиональной среде химикат, крайне ядовитый, но при этом незаменимый для производства самых разных вещей, от красок до лекарств и удобрений. В силу этих свойств он входит в список сильнодействующих ядовитых веществ (СДЯВ), подлежащих в России особому контролю и обращению, который наизусть знают все пожарные и спасатели. В этом качестве метиламин отнесен к веществам 2-го класса опасности (высоко опасные) и по своим свойствам во многом схож с хлором, с применения которого в годы Первой мировой войны началась история химического оружия. Предельно допустимая концентрация (ПДК) метиламина в воздухе, с которой возможно отравление, составляет всего 1 миллиграмм на м³, то есть нескольких десятков граммов было бы достаточно для химической атаки на большой зал вокзала. И если бы высокий эстонец действительно имел отношение к террористам и собирався устроить газовую атаку, вообще трудно представить, что могло бы произойти.

В справочниках на случай утечки метиламина сообщается: жидкий метиламин представляет бесцветную жидкость с едким запахом; на воздухе дымит, образуя стелющиеся по земле пары; опасен как при попадании на кожу, так и при вдыхании, оказывает вредное воздействие на нервную систему, печень, почки; при отравлении смерть может наступить от остановки дыхания. Кроме того, правила безопасности предупреждают, что соединения метиламина с воздухом взрывоопасны и легко воспламеняемы, поэтому в случае малейшего ЧП надлежит изолировать опасную зону в радиусе не менее 400 метров от выброса, работать в противогазах и средствах защиты кожи, не курить и категорически избегать других источников огня.

Так что, если бы в тот день странного гражданина остановили на Казанском вокзале и, вне всяких сомнений, выяснили, что же он вез на тележке вокзального грузчика, разговор с ним был бы особый. Переполюх был бы на всю страну, да и за границей наверняка весьма обеспокоились бы. Допрашивать его, да и просто посмотреть, наверняка съехалось бы все руководство спецслужб. И чем больше высокий эстонец давал бы объяснений, тем меньше ему верили бы, убеждаясь в его коварных помыслах и связях с сепаратистами и даже террористами из других стран. Потому как все, что он говорил, выглядело бы полным бредом, а большинство фактов, которые о нем сразу удалось бы выяснить, наводили бы на куда более зловещие версии.

Ну действительно, поверил бы кто в здравом уме человеку, рассказывающему в таких обстоятельствах, что он занимается производством парфюмерии и везет необходимый компонент, хотя его остановили, когда он нес через толпу на особо важный транспортный объект больше центнера фактически готового химического оружия? «Что? Вы занимаетесь производством искусственной амбры? Она для чего? Говорите, это закрепитель запаха для духов? Конечно, конечно! Кто вас должен был встретить на вокзале? Вы знаете Мовсара Бараева? Вы должны были дожидаться человека, приехавшего на поезде? Вы симпатизируете неонацистам? У вас в Эстонии этим летом эсэсовцам памятник поставили! Почему ваше правительство дает убежище террористам? Вы знаете руководителей сайта “Кавказ-Центр”? Их серверы в вашей стране находятся. Вы бывали на Северном Кавказе? Судимости имеете? Да? Сколько?»

Примерно в таком русле должен был бы происходить разговор со странным гражданином после задержания – из-за полного отсутствия в тех условиях каких-либо других вариантов. Сам он при этом, конечно, уверял бы, что ни к чеченским, ни к каким другим сепаратистам и террористам не имеет никакого отношения, политикой не интересуется и вообще лично не приемлет любого насилия. Даже против наказания детей. И почти ничего не знает о том, что случилось в Театральном центре на Дубровке. И это было бы чистой правдой. Со временем, через пару недель, а может и месяцев, все возможные проверки это подтвердили бы, точнее не нашли бы никаких доказательств, даже косвенных, что он связан с террористами. А потом бы даже выяснилось, чем высокий эстонец на самом деле занимался в России, и в частности в тот день на Казанском вокзале.

Он наверняка сам бы в итоге рассказал, осознав серьезность ситуации. Далеко не все, но значительную часть – о том, что, конечно, бизнес у него не парфюмерный, и делает он не амбру. А это уже точно подтвердилось бы конкретными фактами и свидетельскими показаниями. Однако и после этого наверняка подобная история породила бы не одну конспирологическую версию насчет того, кто и зачем в конце октября 2002 года пытался произвести химическую атаку на Казанском вокзале. И многие бы так и остались уверены, что последовавшие потом в нескольких странах расследования о торговцах наркотиками – лишь прикрытие для сложной игры властей и террористов.

Но судьба порой находит самые невероятные варианты, и события происходят вопреки всем обстоятельствам и логике. В тот день странного высокого иностранца со странным грузом на Казанском вокзале так никто и не остановил. Хотя в момент его появления там как раз шла облава на возможных пособников террористов. Чуть раньше к вокзалу подошли два поезда – из Кисловодска, одного из основных железнодорожных узлов Северного Кавказа, и из Средней Азии. И тот и другой были забиты гостями столицы – в большинстве мусульманами, для столицы странно одетыми, странного вида, многие с бородами, смуглые, с натянутыми на глаза шапками, кто-то с огромными баулами, кто-то с маленькими сумочками, налегке. Плотным потоком все они торопливо шли по платформам в сторону здания вокзала, пытаясь побыстрее миновать дежурящих там в обычные дни постовых, и налетали на участников облавы, которую было не разглядеть за спинами впереди идущих. А взвинченным бойцам ОМОНа и оперативникам, уставшим от каждодневных дежурств и облав, в каждом втором чудился террорист либо преступник, а многие женщины – вне зависимости от возраста и наличия детей – казались смертницами со спрятанными под одеждой бомбами. За день до этого весь личный состав столичной милиции ознакомили с секретной ориентировкой, из которой следовало, что Мовсар Бараев – главарь террористов, напавших на Театральный центр на Дубровке – прибыл в Москву в середине октября вместе с несколькими смертницами как раз поездом из Кисловодска через Казанский вокзал. А по другим ориентировкам, на Дубровке удалось ликвидировать не всю прибывшую в Москву группу, и оставшиеся могли готовить новые атаки смертников. И на помощь им могли ехать боевики.

Весь вокзал был оцеплен бойцами в касках и бронежилетах, увешанными автоматами и пистолетами, с натасканными на взрывчатку и наркотики собаками, между которыми суетились оперативники в штатском и пара начальников в ранге полковников. Все, кто шел к зданию вокзала от поездов, проходили через выставленных в шахматном порядке поперек платформы омонцев, и каждый казавшийся хоть чем-то подозрительным без церемоний отволакивался в сторону, где у него тут же, на платформе перетряхивали все чемоданы и сумки, выворачивали карманы.

Все это высокий гражданин обнаружил уже у съезда на основной перрон с крайней платформы, где не было ни поезда, ни пассажиров и стояла лишь пара скучающих постовых с автоматами, а происходящее перед главным зданием вокзала скрывал стоящий на соседнем пути состав. Мужчина, однако, не проявил ни капли смущения и волнения и, так же размеренно шагая, направил свою телегу на основной перрон, в самую гущу событий, с нескрываемым любопытством посматривая по сторонам. По правую сторону от него, у здания вокзала, и по другую, у ограждения отходящих путей и табло, почти все пространство было занято задержанными – пассажирами прибывших с юга поездов. Десятка два мужчин стояли спиной к проходу, широко расставив ноги и уперев руки в стены или закинув за голову, некоторых почему-то поставил на колени, надев наручники. За их спинами стояли или ходили туда-сюда несколько бойцов и оперативников. Кто-то из них копался у задержанных в карманах, путаясь в складках одежды, и от этого еще больше злясь и ругаясь, и пихая время от времени задержанного кулаком или коленом. Кто-то стоял наготове с автоматом или дубинкой в руках. Кто-то внимательно листал документы задержанных, тыкая в них пальцем и показывая что-то коллегам.

Нервно прохаживающиеся мимо бойцы в бронежилетах время от времени подходили и били задержанных по ботинкам, считая, что те недостаточно широко расставили ноги. Почти у всех шипели и трещали рации с приказами и донесениями каких-то других участников облавы, истерично лаяли служебные собаки, задержанные – кто искренне, кто делано – кричали в ответ на тумачи и грубые ухватки милиционеров. Рядом на каждом свободном пятачке у стен сидели с открытыми сумками люди, кто в одиночку, кто с женщинами и детьми, демонстрируя проверяющим свои вещи или уже спешно пытаясь затолкать их обратно. Дополняли всю эту невообразимую какофонию звучащие почти каждую минуту гнусавые объявления дежурного об отпавлении или прибытии поездов.

Вот со стороны платформы трое бойцов с раскрасневшимися потными и злыми лицами, расталкивая толпу, притащили к стене очередного подозреваемого, заломив ему со всей силы руки за спину, отчего тот еле перебирал ногами и истошно орал. Омоновцы кричали стоящим в стороне коллегам, чтобы те кого-то срочно вызвали. Чуть в стороне вдруг засуетились пятеро других, до этого внимательно всматривавшихся в лица идущих от поездов людей. Один взволнованно что-то говорил в рацию, слушая в ответ отрывочные команды и попутно давая отрывочные указания коллегам: «К шестой платформе!», «Пошел через пути!» Его товарищи бестолково метались из стороны в сторону – двое сначала ринулись налево, но, пробежав метров десять, услышали призыв бойца с рацией: «Не туда, справа, справа обходите!» Те побежали обратно, на другую платформу, спрыгнули на рельсы и скрылись из вида. Мимо тем временем продолжали быстро проходить счастливики, отделавшиеся лишь проверкой документов или вообще сумевшие прошмыгнуть.

На этом фоне высокий странный гражданин, конечно, тем более был замечен – взглядом его оценил почти каждый из омоновцев и оперативников, занимавшихся задержанными. Но в сравнении с пассажирами из южных краев он выглядел как человек из приличного общества, лишь в силу каких-то непредвиденных обстоятельств оказавшийся в этом бардаке и с этим странным грузом. И естественно, всем было не до того, чтобы выяснять, откуда, куда и зачем он его везет. Везет – значит, надо, тем более не прячется и не боится, не кавказец и не мусульманин. Нормальный человек.

Эстонец же спокойно и осторожно катил свою телегу, объезжая задержанных и обыскиваемых, бросая по сторонам открытые и любопытные взгляды и не скрывая эмоций. Вот на него залаял оказавшийся рядом угрожающего вида служебный ротвейлер с отстегнутым намордником, натянув поводок проводника в бронежилете и каске. В ответ высокий иностранец улыбнулся и, дружелюбно наклонив голову, обратился взглядом к собаке: «Ну что ты так волнуешься, все в порядке!» В конце концов эстонец преодолел путь через толпу, добрался до прохода в боковом крыле вокзала, через который выкатил телегу на парковку, где его обдало свежим ветром и моросью дождя.

Проехав среди рядов машин в сторону, чтобы никому не мешать, высокий пассажир остановил телегу. Помедлив с минуту, чтобы отдышаться, он поправил куртку, накинул шарф и достал телефон. Абонент ответил почти сразу.

– Привееетт, привееетт! – растягивая гласные и немного коверкая слова, радостно произнес эстонец. – Вот я наконец вышел. Долго выдавать тофар пришлось. Да, все в порядке! Никаких проблем! Я стою здесь, где «Кассы» написано синими буквами. Парковка! Да, ты здесь? Не вижу. А!

Эстонец закрутил головой, пытаясь разглядеть округу поверх автомобильных крыш. Вскоре, заметив приближающуюся фигуру, приветственно взмахнул рукой и двинул телегу навстречу человеку лет тридцати пяти. Пожав руки, мужчины обменялись приветствиями и вместе принялись толкать телегу вдоль рядов машин. Остановились у довольно потрепанного джипа.

– Сколько ж они весят? – озадаченно спросил мужчина помоложе. – Думаешь, они влезут в машину?

– Давай попробуем, что-нибудь придумаем, – почти беззаботно ответил эстонец.

– А ты-то сам как их грузил?

– Я и не грузил, – весело и удивленно сказал эстонец. – В Ангарске и тут платил. Там и в машину, и из машины, и в вагон, за все пятьсот рублей дал. Они были довольны. Здесь дал сто рублей двум грузчикам, они все сделали. Думаю, каждый должен быть килограммов по сто.

– Документы проверили? Спрашивали, чего везешь?

– Нет, вообще не остановили, – все так же бодро ответил эстонец. – Они террористов ищут, мусульман, с юга. А я белый человек! Я ничего не скрываю! Все, что есть, все видно.

Мужчины принялись развязывать ремни, удерживавшие баллоны, и передвигать телегу, чтобы удобнее было их брать.

– Вдвоем, думаю, справимся, – продолжал эстонец. – Только осторожней сверху надо брать, где вентиль. Пришлось новый приделать. На обоих баллонах. Старые не держали. Надо, чтобы не сломался. Все-таки опасная несколько вещь.

Минут через десять работа была наконец сделана. Чтобы разместить баллоны, мужчинам пришлось сложить задние сиденья. После этого они, кряхтя, втащили баллоны, положив по диагонали в заднем отсеке. Через минуту джип вырулил с парковки и влился в поток медленно движущихся в нескончаемой московской пробке машин. В сгущающихся сумерках и бликах автомобильных огней на мокром асфальте и стеклах странный высокий гражданин со своим странным грузом растворился в огромном городе, как будто его и не было.

И история лишилась одной из самых таинственных и зловещих криминальных эпопей того времени. Зато получила продолжение и шанс добраться до логического финала другая, куда менее кровавая, но тоже криминальная авантюра. О том, как одному человеку – тому самому высокому эстонцу, благополучно избежавшему в конце октября 2002 года ареста на Казанском вокзале и обвинения в пособничестве террористам, удалось стать одним из крупнейших своего рода фабрикантов в мире наркобизнеса. За свою карьеру он умудрился наладить производство экстази тоннами в самых разных местах и обстоятельствах, включая несколько крупных химических комбинатов в России. В итоге, правда, это не принесло ему ни денег, ни славы – пусть хотя бы и криминальной. Но благодаря ему все это и стало известно.

Глава I. Первые опыты

Я родился в 1947 году в Таллине. Окончил сельскохозяйственную академию в Тарту и поначалу, как все простые люди, трудился на благо советского государства.

Несколько лет я проработал экономистом в отделе снабжения военного завода в Таллине. Завод этот изготавливал всякое оборудование и аппараты. Для чего они были нужны, мы, простые сотрудники, не знали, это была государственная тайна. Из разных министерств нам просто присылали техническую документацию, по которой завод выполнял заказы и отправлял их на другие военные заводы по всей стране.

В нашем отделе работали шесть-семь человек, каждый из которых отвечал за обеспечение завода тем или иным материалом и должен был следить, чтобы его хватало для выполнения заводом плана, который нам присылали из Москвы. Я отвечал за поставки металла. Нашему заводу каждый год его требовалось несколько сот тонн, причем разного сорта и вида. В конце каждого года, когда из Москвы присылали новый план, я делал калькуляцию, сколько требуется разных металлов в новом году. Эти заявки отправлялись в местное министерство, а оттуда – в Москву, где заводам по всей стране устанавливали лимиты по разным материалам. Нашему заводу в Москве всегда выделяли металла примерно на 30 % меньше, чем было необходимо для выполнения плана. И никто не интересовался, откуда мы возьмем эти 30 % и как завод выполнит план.

Поэтому мне приходилось много ездить в командировки по всей стране, ходить по разным заводам, чтобы получить недостающий металл. Просто так его никто продавать не хотел, потому приходилось хитрить, уговаривать разных ответственных людей, везде платить – деньгами, водкой или дефицитными товарами. Очень действенным средством для налаживания дружеских отношений с нужными людьми был ликер «Старый Таллин» – его нигде, кроме как в самой Эстонии, не продавали, да и там было довольно трудно достать. Все это тогда было в порядке вещей, и на заводе мне на такие расходы даже выделяли определенные суммы из кассы взаимопомощи.

Так я объездил очень много предприятий в самых разных уголках СССР, узнал много разных людей, с которыми можно было договориться; узнал, как организовано разное производство и заводские структуры. Со временем я научился обходить почти любые препоны и ограничения, порожденные советской плановой системой и повальным дефицитом.

Бывало так, например, что я приезжал на склад «Металлосбыта», чтобы получить и отправить на свой завод 30 тонн металла. Нам необходимо было намного больше, но начальство «Металлосбыта», ссылаясь на указания из министерства, давать больше отказывалось. Однако я уже завел на складе знакомство с нужным человеком. Это был никакой не начальник и помочь выбить мне дополнительное количества металла он не мог, зато отвечал за оформление документов, с которыми приезжали покупатели вроде меня. Я загонял на склад свои грузовики, на них грузили 30 тонн металла, после чего я платил своему приятелю, и он за это просто не ставил на моих разрядках отметок, что груз выдан, и не оформлял ничего в складских документах. А я с грузовиками уезжал. Дня через два-три я снова приезжал в «Металлосбыт», получал по тем же разрядкам еще 30 тонн металла, опять платил своему приятелю и уезжал, ничего не оформляя. Иногда мне удавалось проверить такую операцию по одним и тем же бумагам пять-шесть раз.

Потом власти решили продвигать на ответственные должности энергичную молодежь. На военном заводе я был на хорошем счету, поскольку всегда доставал металла столько, сколько было нужно для выполнения плана. И горисполком Таллина выдвинул меня на должность директора городского ломбарда. Так я стал членом местного, как тогда говорили, партхозактива или, по-другому, номенклатурным работником.

Работа в ломбарде была спокойная и интересная. Общался с разными людьми, и, что приятно, не надо было больше все время мотаться в командировки по всей стране. По службе если куда и ездил, то только в Москву. Здесь я изучал работу – как тогда говорили, перенимал опыт – московского ломбарда, который тогда был крупнейшим на всю страну. Со временем мне удалось поближе познакомиться с его директором. Это был шестидесятилетний еврей – очень умный, начитанный и образованный человек, хорошо разбиравшийся в ювелирном деле, живописи и антиквариате. Он меня многому научил – и как лучше организовать работу ломбарда, и как на этой должности самому зарабатывать деньги, формально не нарушая закона и не рискуя попасть в тюрьму. Через него же я познакомился со многими интересными и полезными в самых разных делах людьми, которые мне потом очень помогли в жизни и многих моих проектах. Вообще, тогда в московском ломбарде делали настоящий большой бизнес – через него проходили не просто самые дорогие вещи, но порой настоящие сокровища, а советская система была устроена так, что все это, при определенных навыках и знакомствах, можно было получить практически за бесценок.

Но через пару лет хорошую должность директора таллинского ломбарда мне пришлось оставить. Случилось это из-за развода. С женой мы прожили недолго. Это был мой первый и единственный брак, который оказался неудачным. Когда я ушел от жены, она решила, что я испортил ей жизнь, и угрожала мне тоже жизнь испортить, если не вернусь. Так она и сделала после официального оформления развода.

Она знала, как устроена работа в моем ломбарде. Чтобы получить ссуду, чаще всего люди приносили нам в залог ювелирные украшения, в основном золотые. Если они долг не могли вернуть, золото оставалось в ломбарде. Оценивалось оно при этом без учета художественной ценности, просто как золотой лом на вес. Каждые два месяца скопившиеся украшения мы были обязаны отправлять в Москву. Перед этим мне и моим сотрудницам надо было очистить золото от мусора. А таким мусором, по инструкции, считалось все, кроме самого золота и других драгоценных металлов. Потому мы садились и плоскогубцами отрывали от украшений все камни.

Чаще всего это были не очень ценные минералы или вообще стекла – стразы, подделки. Но иногда попадались и драгоценные камни – бриллианты, рубины, изумруды. Если бы в советской власти было все устроено разумно, их надо было бы тоже оценивать и обращать в казну. Но в Эстонии тогда не было уполномоченных на такую работу специалистов. Потому у нас в ломбарде все камни – и дешевые, и драгоценные – считались мусором. По инструкции, когда у нас такого мусора набиралось определенное количество, мы должны были его уничтожить. Но как уничтожить драгоценные камни? Их не сожжешь, не растворишь в кислоте. Можно только бросить в реку или море. Но это же глупо. Потому мы составляли акты, что просто выбросили камни в мусор – высыпали их в урну или просто на землю, а на самом деле оставляли их себе.

И такого мусора у меня скапливалось много. Драгоценные и полудрагоценные камни я складывал в коробку из-под обуви. Она хранилась у меня на работе в сейфе и иногда наполнялась до самого верха. После того как я подружился с директором московского ломбарда, я однажды отправился к нему в очередную командировку и взял с собой часть этих камней показать. Сам я тогда не знал даже, как отличить, например, натуральный бриллиант от искусственного. Директор же не только рассортировал все мои камни, показав, где особо ценные, а где не очень, но и научил самому в них разбираться, учитывая самые разные факторы – не только размер, но и чистоту, форму, качество огранки, географическое происхождение и многие другие вещи.

С тех пор особо ценный «мусор» я стал раскладывать, в зависимости от приблизительной стоимости камней и их вида, по нескольким небольшим коробочкам. Поскольку иногда все они в сейф на работе не помещались, я некоторые относил домой.

Вот одну из таких коробок моя жена после развода и отнесла в горисполком, сказав начальству, что я занимаюсь воровством и махинациями. Был большой скандал. Начались проверки, меня стали вызывать в милицию, и я долго ходил по разным инстанциям, давая объяснения. Уголовное дело, в конце концов, так и не возбудили – поставить мне в вину оказалось нечего. Отчетность и бухгалтерия у меня в ломбарде были в порядке, никто ничего не воровал, законов и инструкций мы не нарушали. Единственное, о чем меня спрашивали в милиции – почему не были уничтожены камни, которые выдала моя уже бывшая на тот момент жена. Но я объяснял, что, согласно инструкции, это ведь «мусор», и мы просто не успели его выкинуть. Закончилось все хорошо, никто не пострадал. Но из ломбарда мне пришлось уволиться.

После этого я стал работать с колхозами. В Эстонии колхозы тогда были очень богатыми, денег у них было много, но купить на них было просто нечего. Вся техника и материалы тогда распределялись министерствами по разнарядкам. Я вспомнил, как трудился снабженцем на военном заводе, поднял старые связи и знакомства и снова стал разъезжать в командировки по всей стране. Для колхозов я добывал все, что им было нужно, – металлы, бетон, древесину, легковые машины, грузовики, автобусы, тракторы, комбайны, запчасти ко всему этому и еще многое другое, что добыть было так же трудно. Иногда за такую помощь я получал небольшую зарплату, но поскольку по советским законам колхозы много платить не могли, по уговору расплачивались со мной еще и по-другому.

За каждую успешную крупную поставку каких-нибудь материалов или техники они продавали мне автомобиль, обязательно УАЗ-469. Делалось это все официально, через комиссионный магазин, с разрешения министерства сельского хозяйства республики, которое при продаже простым гражданам любого колхозного имущества было обязательно.

УАЗ-469 тогда был самый дефицитный и дорогой автомобиль. Почти все такие машины с завода поставлялись по госзаказу в армию, милицию и другие ведомства, а колхозам и совхозам не доставалось почти ничего. Но из небольшого выбора легковых автомобилей, который тогда имелся в СССР, для нужд сельского хозяйства ничего другое не годилось. Не будет же председатель колхоза или какой-нибудь бригадир объезжать поля или свинарники на «Жигулях» или «Волге» – он просто туда не доедет, застряв в грязи.

Оптовая цена нового УАЗ-469 при продаже его государственным структурам – а такими тогда являлись все предприятия, в том числе те же колхозы – составляла 2400 рублей. Соответственно, если мне удавалось договориться где-нибудь, что там спишут несколько таких машин – тогда говорили «бывшие в употреблении», или «бэушные», а теперь это называется «с пробегом» – и продадут, то колхозу они обходились всего в 1–2 тысячи рублей. Но расчеты эти касались только государственного сектора, структуры которого расплачивались друг с другом по безналичному расчету. Если же речь заходила о продаже машин населению, простым людям, то бухгалтерия была совсем другая.

В свободной продаже в автомагазинах УАЗ-469 почти никогда не было, хотя он стоил там официально 15 тысяч рублей – огромные по тем временам деньги. А на авторынке в Южном порту в Москве такую машину – новую или в хорошем состоянии – можно было продать, даже не торгуясь, за 30 тысяч рублей.

Так вот, возможностью воспользоваться этой разницей между государственными и потребительскими ценами на УАЗ-469 и расплачивались со мной колхозы. Конечно, это была довольно трудная и хлопотная работа, но если хватало энергии и задора, игра стоила свеч.

По уговору с колхозами, они продавали мне такой автомобиль за 3750 рублей – минимальную сумму, в какую его разрешено было оценивать при продаже населению. Бухгалтерия оформляла все так, будто предназначенный мне узик либо совсем старый, либо имеет серьезные повреждения, и проводила его в документах по остаточной цене, с учетом максимальной амортизации (стоимость материальных ценностей с учетом износа). Но по советским законам, если оборудование оставалось в более-менее рабочем состоянии, амортизация не могла состав-

лять менее 25 % от его начальной стоимости. А если речь шла о продаже любого колхозного, а значит государственного, имущества населению, то расчеты велись, исходя не из государственной цены, по которой его покупал на заводе или у других предприятий сам колхоз, а из розничной, той, по которой его могли приобрести в магазине простые граждане. Для населения же УАЗ-469 продавался за 15 тысяч. На этом и строились мои денежные отношения с колхозами – они продавали мне автомобиль за 3750 рублей, а я потом мог перепродать его как частное лицо уже тысяч за 30, а то и дороже. Причем им самим такая схема была не менее выгодна, чем мне.

Как правило, доставал я технику или какие-нибудь материалы комплектами. В каждый такой комплект входили, к примеру, три-четыре машины или партии каких-нибудь грузов. Если получалось, колхозы продавали мне за это автомобиль в хорошем состоянии, из тех, что я сам им организовывал. Но так бывало не всегда.

Найти УАЗ-469 в более-менее приличном состоянии – не очень разбитый – удавалось довольно редко. С завода или через магазин новый автомобиль получить было вообще невозможно. А где на предприятиях такие машины были, так там и сами их очень берегли, а если и соглашались продать, то совсем старые. Кроме того, и колхозам нужны были не только одни УАЗ-469, и большую часть времени я занимался поисками для них другой техники, обычно тоже не новой.

Так, одно время я очень хорошо поработал с одним московским НИИ – Московским тепловым институтом. У него имелось около 800 единиц всякой автомобильной техники, и я договорился с руководством института, что они продадут часть этого добра моим колхозам. Так я добыл несколько десятков легковых «Волг» ГАЗ-24, грузовых «Москвичей»-пикапов (их из-за характерной формы называли «каблучками»), разного вида автобусов и грузовиков ЗИЛ. Все это было в довольно приличном состоянии, использовавшееся не больше трех-пяти лет.

В НИИ я договорился, что технику там будут продавать моим колхозам комплектами по три-четыре машины, в зависимости от того, что именно кому нужно. Самих УАЗов при этом у института не было. Но чтобы колхозы смогли со мной расплатиться, я подыскивал дополнительно для каждого такого комплекта где-нибудь в других местах такой автомобиль, пусть и очень старый.

В результате колхоз получал несколько очень нужных ему в хозяйстве машин и в придачу дряхлый и негодный УАЗ-469. Его-то потом, по уговору, и надо было продать мне через комиссионный магазин. Но за все это колхоз расплачивался по безналичному расчету по государственным, то есть очень низким, ценам – весь такой комплект ему обходился максимум в три-четыре тысячи рублей. А продавали мне старый уазик уже по потребительской, предназначенной для населения цене – за те самые 3750 рублей. Таким образом, получалось, что за счет продажи моего автомобиля колхоз полностью компенсировал затраты на покупку своей собственной техники, получая ее практически задаром. Естественно, при такой бухгалтерии колхозам было очень интересно со мной работать.

Что же касается моей выгоды, то у меня тоже все было просчитано. На тот случай, если мне после очередной комбинации по снабжению колхозов приходилось довольствоваться старым никому не нужным уазиком, который выгодно не продашь, имелся отдельный план. Я просто делал из него новый автомобиль. Происходило это так.

В Псковской области находилась крупная воинская часть – 76-я дивизия ВДВ. Насколько я знаю, она существует и до сих пор. Тогда эта часть была очень хорошо оснащена и имела большие запасы техники. Как колхозный снабженец я часто имел с военными дело, закупая запчасти или материалы, которые они списывали. Так в псковской части у меня появился знакомый, с которым мы наладили выгодное сотрудничество. Я пригонял ему свой старый, купленный у колхоза уазик и за ящик водки и половину свиньи менял его на другой. Обычно это были автомобили не новые, но в очень хорошем состоянии – со складов на случай большой войны, где техника стояла на консервации, прямо в заводской смазке. Как уж военные там

оформляли разбитый колхозный уазик, не знаю. Я же через знакомых перебивал на полученном УАЗе номера двигателя и кузова, как будто это был тот же купленный у колхоза автомобиль. После этого не надо было подделывать никаких документов. Но продать я его мог уже как новый. Таким образом, мои расходы составляли 3750 рублей плюс расходы на взятки, с помощью которых я находил и добывал технику и материалы для колхозов. А доход от продажи от полученного благодаря колхозам очередного УАЗ-469, как правило, был не меньше 30–33 тысяч рублей.

Однако, прежде чем получить эти деньги, мне надо было решить еще одну непростую проблему. По советским законам, перепродажа с выгодой для себя не только машин, но и вообще чего угодно считалась тяжким преступлением – спекуляцией. Поэтому на себя мне оформлять полученные от колхозов машины было нельзя. Если бы в милиции заметили, что я хотя бы раз в год меняю автомобиль, тем более такой дефицитный, как УАЗ-469, – а их, кстати, тогда ставили на учет еще и военкоматах, чтобы использовать в случае войны, – ко мне очень скоро пришли бы с обыском. Так что надо было в каждом случае найти еще и надежного человека, на которого бы формально записали мой автомобиль в комиссионном магазине при продаже его колхозом и зарегистрировали в ГАИ на то время, пока я не подыщу очередного покупателя.

Знакомых у меня, конечно, было много. Но привлекать для столь деликатного дела даже самых старых и верных друзей, как я уяснил с первого же опыта, было опасно. Даже не из-за того, что кто-то мог случайно или даже специально – чтобы отомстить за какую-нибудь мелкую обиду – проговориться властям. В слишком большое искушение мне приходилось вводить людей. Ведь тот, на кого я фиктивно оформлял на время свою машину, даже оплачивая эту услугу, запросто мог заявить, что она его собственная и он сам ее продаст, чтобы получить все. По тем временам 30 тысяч – огромные деньги, на которые можно было безбедно жить, ничего не делая, несколько лет. И если очередной мой помощник поймет, как легко получить такое богатство, тут никакая дружба не поможет. И все мои труды пойдут насмарку.

Поэтому я почти всегда по таким вопросам имел дело с женщинами. Женщины вообще не так корыстны и расчетливы, как мужчины, более осторожны и меньше интересуются столь сложными и опасными проектами, какими я тогда занимался. И даже если у нас не было близких отношений, а мы просто хорошо дружили, на некоторых женщин все равно можно было положиться и не ожидать подвоха. Впрочем, поскольку для продажи каждой машины мне требовалась новая подруга – чтобы никого не заподозрили в той же спекуляции, я за всеми женщинами обычно ухаживал и заводил романтические отношения.

Во все подробности своей работы я подруг, конечно, не посвящал, но ничего специально и не выдумывал. Я честно рассказывал, что работаю снабженцем в колхозе, который согласился продать мне старую машину, но по тем или иным причинам на себя мне оформить ее нельзя, и просил помочь. Я выписывал на себя доверенность в колхозе, по которой забирал свой уазик и все документы на него, получал разрешение в министерстве сельского хозяйства на продажу машины населению и снимал ее с учета в ГАИ. Затем мы с подругой ехали в какой-нибудь другой город, где был комиссионный магазин, в котором меня не знали, и оформляли договор, будто колхоз продал машину ей. Искать каждый раз новый комиссионный магазин нужно было из-за того, что договаривался там обо всем и оформлял документы я. Моим подругам вся эта бюрократия была, естественно, не интересна – они лишь помогали мне, согласившись показать пару раз, где надо, свой паспорт и поставить подпись. Милиция же в те годы очень внимательно следила за комиссионными магазинами, разыскивая перекупщиков краденого и спекулянтов, и, если бы я часто появлялся в одном месте, меня, конечно, тут же заметили бы.

По полученным документам мы ставили автомобиль на учет в ГАИ на мою приятельницу, а через несколько дней снимали с учета, как будто она, в свою очередь, тоже решила ее кому-

то продать. После этого мой уазик был готов к реализации. Но тут часто возникали уже другие трудности.

Покупателей мне приходилось искать подальше от Эстонии, где меня точно никто не знает, чтобы в случае каких-нибудь неприятностей с властями у нового владельца труднее было отследить непростую судьбу такого автомобиля. Поэтому обычно с момента получения мной машины у колхоза до ее окончательной продажи проходило довольно много времени, иногда два-три месяца. Я же почти все время находился в разъездах, и уделить много внимания подруге, на которую оформил уазик, было непросто. Еще труднее мне пришлось, когда таких приятельниц, по мере продажи все новых и новых машин, образовалось сразу несколько.

Когда я появлялся у какой-нибудь подруги после долгого отсутствия с просьбой последний раз сходить со мной в комиссионный магазин, чтобы оформить договор о продаже уазика, часто случалось тяжелое выяснение отношений. Кто-то чувствовал себя брошенной, кто-то ревновал, кто-то, узнав, какие огромные деньги я получил за этот вроде как считавшийся старым и ненужным автомобиль, считал себя жестоко обманутой, кляня себя за то, что сама не догадалась его продать. Как правило, получалось в конце концов с ними договариваться, хотя иногда это давалось очень непросто.

Однажды я договорился продать добытый с помощью колхоза автомобиль двум братьям-таджикам из города Орджоникидзебад (сейчас он называется Вахдат). Уазик я сразу отогнал к ним в Таджикистан, а потом прилетел с покупателями в Таллин, чтобы оформить документы. Поскольку я думал, что все займет день-два, то поселил таджиков у себя дома и, пообещав, что скоро вернусь, пошел к подруге. Но та во мне уже окончательно разочаровалась и выгнала из квартиры, сказав, что больше вообще не хочет меня видеть. На следующий день я купил букет самых лучших роз и опять пошел к этой знакомой, но она опять прогнала меня. Так я ходил к ней дней пять, пока не смог наконец разжалобить. Общаться она со мной так и не согласилась, но зато выкинула через дверь свой паспорт – мол, делай с ним что хочешь.

Можно себе представить, как были ошарашены таджики, которые никак не могли взять в толк, почему я все время оправдываюсь и откладываю оформление документов, и каждый день куда-то хожу: как я объяснял – к жене, с букетами, но нужных бумаг от нее так и не приношу. Под конец, как я полагаю, они были напуганы уже до смерти, полагая, что это какая-то хитроумная ловушка, в которую их заманили, чтобы ограбить, а может и убить. Ведь с собой таджики привезли 33 тысячи рублей.

Но в итоге я справился и с этой проблемой. Я договорился с другой знакомой, которая согласилась за деньги сходить в комиссионный магазин с чужим паспортом. Сам паспорт подруги, которая меня больше не желала видеть, я при этом на время немного поправил. Аккуратно расшил нитки, которыми были скреплены его страницы, и поменял одну из них – ту, на которой была вклеена фотография. Поскольку в комиссионном магазине я и так дал взятку, чтобы оформили договор без обязательного осмотра машины, там не стали придирааться, а может и не заметили, что номера паспорта на разных страницах не совпадают. В общем, закончилось с этим автомобилем все хорошо – я получил свои деньги, таджики – машину, моей уже бывшей подруге я вернул обратно паспорт с хорошим подарком, который, кстати, она все же взяла.

Вообще, я с женщинами, которых привлекал в свой бизнес, здорово намучился. Подыскать надежную подругу, в которой можно быть вполне уверенным, было сложно. Каждого человека надо было изучить, понять, что он из себя представляет, что от него можно ждать. Я с удовольствием платил бы за такую помощь, и несколько раз мы договаривались с подругами о взаимовыгодном сотрудничестве. Но большинство из тех, кто соглашались работать со мной за деньги, оказывались слишком корыстными и, когда понимали, что могут получить всю стоимость автомобиля и решить свои бытовые проблемы, пытались меня обмануть и оставить ни с чем. Пару раз я из-за этого терял заработанные мною же уазики.

После подобных ошибок я стал очень осторожен и все пытался найти честную и умную женщину, которая бы могла стать мне не только подругой, но и надежным партнером, которая бы могла взять на себя часть забот. Но таких я почти не встречал. Впрочем, несмотря на все эти хлопоты, разочарования и ошибки, дела у меня все же шли неплохо.

Сначала я продавал свои машины в Москве – на авторынке в Южном порту. Тогда это было одно из самых значных мест в городе. Там располагался крупнейший в стране государственный автомобильный магазин, в котором, правда, в свободной продаже машин никогда не было, а желающих их приобрести записывали в очереди на годы вперед. Рядом был один из крупнейших комиссионных автомобильных магазинов. А на большой площади перед ними располагался сам рынок. Открыто там, конечно, никто автомобилями не торговал – он представлял собой огромную автостоянку, где толпились желающие продать либо купить машину, приезжавшие практически со всех концов страны. Все они ходили, подыскивали то, что им было нужно, осматривали машины, договаривались, где и как оформят документы о покупке, тайком общались со спекулянтами, предлагавшими дефицитные запчасти.

Больше всего покупателей на УАЗ-469 было из Средней Азии, и вскоре я решил возить свои машины прямо туда. В Южном порту тогда было небезопасно. Бывали случаи, когда бандиты грабили и убивали продавцов машин, да и милиция иногда устраивала облавы на спекулянтов. А так я себе стал устраивать еще и прекрасные отпуска.

Обычно каждый год весной я отправлялся на очередном узике в путешествие. Доезжал через Кавказ до Баку, оттуда на пароме переправлялся в Красноводск на другую сторону Каспия, пересекал Каракумы и потом путешествовал в свое удовольствие по Туркмении, Таджикистану, Узбекистану и Казахстану. Это были чудные времена – прекрасная погода, великолепная природа, сияющие горы, плодородные долины, кристальные реки, море фруктов, изумительная восточная еда и еще полная свобода. Так я, чаще всего с какой-нибудь из подруг, проводил полтора-два месяца. Потом отправлял ее на самолете обратно в Таллин, а сам занимался продажей машины – ехал на ближайший авторынок и выставлял там свой УАЗ. Обычно на всем рынке мой узик был единственным, и дольше десяти минут покупателя ждать не приходилось. Увидев мою машину, люди сами тут же подходили и спрашивали, не продам ли я ее.

Договорившись с покупателем, я оставлял УАЗ у его дома, после чего мы вместе на самолете отправлялись в Таллин, чтобы оформить документы. Поскольку показать машину в комиссионном магазине и милиции было невозможно, приходилось платить. Но никаких проблем никогда не возникало. Однако все хорошее рано или поздно заканчивается.

Летом 1983 года – по-моему, это был август, хотя точно не уверен – моей подруге пришла повестка с вызовом на допрос в прокуратуру. Той весной, как обычно, мы ездили на Кавказ в замечательный отпуск, по окончании которого я продал очередной узик, путешествие прошло без каких-либо неприятных приключений. После возвращения прошло довольно много времени, я уже вовсю занимался другими делами и потому повестке из прокуратуры поначалу только удивился. Но следователь стал расспрашивать мою подругу именно про отпуск. Точнее – что мы делали в Грозном, где по пути в Баку на одну ночь останавливались в гостинице.

Как оказалось, в этой же гостинице в одном из номеров, по соседству с нами, жил следователь по особо важным делам МВД СССР из Москвы – некий майор Буянов, который приезжал в Грозный по каким-то служебным делам. Мы его в глаза не видели и даже не подозревали о его существовании. Но, как выяснилось, он заселился в эту гостиницу в тот же вечер, что и мы, а на следующее утро пропал. А через две недели его тело с пробитой головой нашли где-то в реке.

Убийство офицера МВД, тем более из Москвы, в те времена считалось событием чрезвычайным. Делом занялась Генеральная прокуратура СССР. Естественно, стали выяснять, кто еще в ту ночь, когда пропал майор Буянов, останавливался в гостинице. Номер тогда мы оформили на имя моей подруги, потому ее в прокуратуру и вызвали. Она, конечно, рассказала,

что просто путешествовала с приятелем и никакого милиционера мы не видели. Но следователь, узнав, что мы были на машине, конечно, решил тогда осмотреть и ее – вдруг обнаружатся какие-нибудь вещи убитого или следы крови. В той ситуации это было совершенно естественно. Ведь останавливались в гостинице мы всего на одну ночь, потом сразу же уехали и, конечно, могли показаться подозрительными.

Узнав, что машина продана, следователи в поисках адреса ее нового владельца пришли в комиссионный магазин. Там они выяснили, что числилась машина хоть и на мою знакомую, но ездил на том уазике и оформлял на него все документы именно я, причем купил его всего несколько месяцев назад за 4 тысячи рублей, а продал уже за 30 тысяч. Получалось, что я получил 26 тысяч прибыли, а по тем временам уже 10 тысяч считались особо крупным доходом. Тут взялись за меня крепко. Следователи стали смотреть документы дальше и обнаружили, что только за два последних года я таким образом купил и продал 15 машин. Конечно, они заметили, что почти все машины я покупал вроде как старые и разбитые, а продавал уже почти новые. Как мне это удавалось делать и кому я давал взятки, я следователям не рассказал, а сами они выяснить не смогли.

Задержали меня в ноябре 1983 года на станции Рузаевка в Мордовии. Мы с приятелем везли в Среднюю Азию два очередных уазика. Поскольку уже начиналась зима, дороги были плохие, мы доехали своим ходом до Москвы, а там заказали железнодорожную платформу, на которую и поставили наши автомобили, а сами в них по пути и жили. Попались мы из-за того, что кто-то обворовал вагон, входивший в наш состав. Милиция осматривала всю станцию, нас заметили. Проверили документы, обыскали машины, выяснили, что у нас ничего краденого нет, и поначалу успокоились, пожелав хорошего пути. Но тут кто-то из милиционеров на всякий случай пошел в отделение проверить, не присылали ли насчет нас каких служебных бумаг, и обнаружил, что меня действительно ищут по делу об убийстве в Грозном майора Буянова. В Эстонии следователи меня не застали и потому объявили в розыск. Именно из-за этого дела меня сначала арестовали и начали допрашивать, и только чуть позже приехали милиционеры из Таллина, заинтересовавшиеся моими торговыми операциями.

Довольно долго меня переводили по разным тюрьмам – я побывал и в псковской тюрьме, и в новгородской, в Мордовии в Рузаевке, а потом еще в Крестах. Следователи узнали, что денег у меня много, и боялись, что я подкуплю охрану и сбегу или буду через знакомых пытаться мешать вести расследование. Из-за дела майора Буянова меня считали особо опасным подозреваемым, и приезжавшие ко мне разные сотрудники из Москвы все проверяли, как и зачем я оказался в те дни, когда произошло убийство, в Грозном. В конце концов они убедились, что к тому преступлению я отношения не имею, и мной вплотную занялись эстонские следователи.

Удалось ли найти убийц майора Буянова, так и осталось неизвестно. По крайней мере, я об этом ничего не слышал. Но позже я узнал, что помимо меня из-за той истории в тюрьму попали еще почти 30 человек. Расследование убийства сотрудника МВД велось на высшем уровне, следователи из Москвы тщательно проверяли всех, с кем тот мог перед смертью встречаться в Грозном, и у многих, как у меня, обнаружили свои грехи – кто-то брал взятки, кто-то воровал, кто-то спекулировал. Насколько помню, в итоге посадили директора и несколько администраторов гостиницы в Грозном, где мы и майор Буянов останавливались, начальника местной милиции, некоторых подчиненных и еще много других людей.

Что касается дела о моих махинациях с колхозами, то следователи нашли много доказательств, хотя и не все улики сохранились. Незадолго до разоблачения я удачно съездил в командировку по автозаводам – на ГАЗ, АЗЛК и ЗИЛ, где добыл партии двигателей, агрегатов и прочих запчастей к разным машинам. Все это я держал у себя на хуторе в десяти километрах от Таллина, где тогда жил, и по мере надобности развозил по колхозам. После ареста милиционеры пришли туда с обыском и, посчитав найденное свидетельством моей незаконной

деятельности, на четырех грузовиках вывезли все добро на свой склад. Но пролежало оно там недолго. Через несколько дней некие воры, которых потом так и не нашли, взломали милицейский склад и все изъятые у меня запчасти утащили. Потом мне рассказали, будто часть этого имущества оказалась у следователя Калла, который среди прочих занимался моим делом. Уже много лет спустя, когда Эстония стала независимым государством, тот же следователь Калл, который перешел на работу в полицию, вместе с коллегами попался на подобной махинации, и его уволили.

Впрочем, и без этого для суда и следствия в моей истории все было ясно. Большую часть техники, которая прошла через мои руки, следователи признали похищенной – мной одним, при помощи подруги и приятеля. По-другому написать, как и было на самом деле, по советским порядкам было очень сложно. Ведь тогда бы, как моих сообщников по спекулятивным сделкам, за полученные взятки и подделку документов пришлось сажать и всех тех, с кем я имел дело в совхозах и колхозах, на всех заводах и складах. В общем, десятки человек, хотя в то время все предприятия так и жили. Поэтому почти все мои поставщики – кто сам, а кто поглупее, по подсказке следователей, – дали показания, что все, что я перепродавал, якобы было мной нагло похищено. Конечно, это было смешно. Получалось, как будто я спокойно приезжал на многих грузовиках на склады самых разных организаций и вывозил все это добро десятками и сотнями тонн, невзирая на охрану и высокие заборы. И еще все грузил в грузовики руками в одиночку. Но суд тогда был советский, социалистический, и если шла речь о хищении социалистической собственности, на такие детали никто не обращал внимания. В итоге меня обвинили в воровстве, спекуляции, подделке документов и хищении социалистической собственности.

Последняя статья была «расстрельной» – за нее по советским законам могли приговорить и к высшей мере наказания. Поэтому когда начался процесс, я попытался симулировать душевное расстройство и инсценировал попытку самоубийства. Изобразил так, будто повесился в камере, но меня успели вовремя спасти. Горло я тогда, правда, сильно повредил и долго потом не мог говорить. Меня положили в больницу, и приговор Верховный суд Эстонской ССР огласил без меня.

*«02» газета УВД по Новгородской области
№ 3 и № 4 (154 и 155), март и апрель 2010 года
Следователь вспоминает*

Эстонские «потрошители»

Следы были большими

Вечером 11 декабря 1982 года водитель Шимской санэпидстанции поставил, как обычно, закрепленную за ним автомашину «УАЗ-469» на улице Шелонской в пос. Шимск, у дома № 11, в котором и проживал. Он был и остается сейчас единственной пятиэтажкой в райцентре. Выйдя из дома утром 12 декабря, он автомашину на месте стоянки не обнаружил. <...> По факту кражи автомашины в Шимском РОВД было возбуждено уголовное дело. Похищенная автомашина была относительно новой, ее остаточная стоимость на момент кражи составляла 10 088 рублей. <...>

При сходных обстоятельствах в ночь с 5 на 6 апреля 1983 года была похищена автомашина «УАЗ-469», принадлежащая совхозу «Искра» Шимского района, водитель которой поставил ее на стоянку у своего дома в д. Рямешка Шимского района. Данный автомобиль был совершенно новый, 1983 года выпуска и его балансовая стоимость для хозяйства составляла 13 000

рублей. <...> Возбудили очередное уголовное дело, однако виновных по нему пока не было. <...> С учетом того, что обе кражи были совершены на трассе Новгород – Псков, а также принимая во внимание большие размеры следов обуви и рисунок протектора, которые могли быть оставлены кроссовками, оперативники и следователи пришли к выводу, что к краже могли быть причастны лица, проживающие в Прибалтийских республиках СССР. <...>

г. Куйбышев, февраль 1984 г.

В один из дней конца января 1984 года в дежурную часть Шимского РОВД поступила телетайпограмма из Средне-Волжского Управления внутренних дел на транспорте, расположенного в г. Куйбышеве (ныне Самара), с сообщением о том, что ими за совершение краж из вагонов арестованы жители Эстонской ССР Лухтер Х. А. и Кальм Я. Я., у которых изъята автомашина марки «УАЗ-469» с документами, имеющими признаки подделки, и перебитыми номерами на основных узлах и агрегатах. <...> Возобновляю производством оба уголовные дела и с чувством охотника, идущего по следу зверя, еду в командировку в Куйбышев. Знакомлюсь и беседую с коллегой-следователем, изучаю расследуемое им в отношении Лухтера Х. А. и Кальма Я. Я. уголовное дело, откуда узнаю, что содержатся обвиняемые в следственном изоляторе г. Рузаевка Мордовской АССР, где они и были задержаны 25 ноября 1983 года на железнодорожной станции с двумя автомашинами на одной из платформ грузового поезда, следовавшего маршрутом из Москвы в Ташкент. Автомшины изъяты и поставлены на хранение в пакгаузе станции Рузаевка, помещение опечатано. Интересуюсь обстоятельствами их задержания и выясняется, что в пути следования на Ташкент Лухтер Х. А. и Кальм Я. Я. находились на платформе в салонах похищенного в пос. Шимск «УАЗ-469» и купленного в Эстонской ССР «ГАЗ-69», которые они везли продавать в Среднюю Азию. Изнывая от безделья при длительной поездке, принялись взламывать вагоны состава, на платформе которого ехали и сами.

<...> На крупной узловой станции Рузаевка состав делал остановку, а сотрудники транспортной милиции производили его обход и осмотр вагонов. Бдительный сержант милиции обратил внимание на сорванные пломбы на трех вагонах, а также на двух молодых людей, обосновавшихся в салоне автомашины «УАЗ-469» на соседней платформе, да еще и с телевизором на заднем сидении. Невнятные объяснения в части телевизора не удовлетворили его и, заподозрив Лухтера и Кальма в краже из вагонов, он повел их в отделение милиции для разбирательства. <...> Поскольку автомашины сотрудников милиции ст. Рузаевка не интересовали и значились на момент задержания подозреваемых как их имущество, они были сняты с платформы, помещены для хранения в пакгауз и опечатаны. <...>

Станция Рузаевка Мордовской АССР, февраль 1984 г.

<...> Коллега из Средне-Волжского УВД на транспорте по одному вызвал фигурантов в кабинет, представил меня как следователя Шимского РОВД Новгородской области, «который будет работать с ними по своим делам», после чего оставил нас одних. Здоровые крепкие ребята, ростом под два метра каждый, соответственно, носят и большой размер обуви. Немного медлительны в разговоре, что свойственно жителям Прибалтики. Отчасти

насторожены, закрепошены при ответах на вопросы, которые тщательно продумывают, боятся сказать лишнее. Замечаю, что и они изучают меня, прикидывают, что еще я могу знать об их преступлениях, совершенных на Новгородчине, кроме кражи автомашины Шимской СЭС. Лухтер Хельдур Аугустович, 1947 года рождения, ранее уже привлекался к уголовной ответственности за кражи. Безусловный лидер группы. На это время, как мне было известно, он уже находился в розыске: за ним тянулся длинный шлейф преступлений, совершённых на территории Эстонской ССР. По этой причине в последнее время, будучи прописанным в г. Таллине, фактически скрывался на квартире своей знакомой на улице Плеханова в г. Москве. Кальм Янус Янович, 1957 года рождения, на 10 лет младше Лухтера. Ранее не судим, но до этого тоже достаточно «наследил» в Эстонии как в группе со старшим, так и в одиночку.

«...» Оставалось главное – получить от них ворованный автомобиль, однако сделать это было невозможно по причине того, что он уже был продан ими в Таджикистан. Представь себе, читатель, местонахождение этой страны, а тогда союзной республики в составе СССР, и ты найдешь ее рядом с Афганистаном! Это немалый путь от деревни Рямешка, что в Шимском районе Новгородчины. «...»

Преступный след в Эстонии

Кражи автомашин в Шимском районе и из вагонов в Мордовской АССР были лишь маленькими эпизодами преступной деятельности Х. А. Лухтера и Я. Я. Кальма. За ними и их соучастницей Аве Соонетсе начиная с 1979 года тянулся длинный шлейф преступлений, совершенных на их родине – Эстонской ССР. В те теперь уже далекие годы уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик не предусматривало такие понятия, как «организованная преступная группа» и «преступное сообщество»: считалось, что таковых в стране, строящей коммунизм, нет и не может быть. Это было заблуждение, в чем вскоре правоохранительные органы и убедились. Наши криминальные «герои» являли собой предвестников преступного бума, постигшего уже новую Россию в 90-х годах прошлого века.

Вот небольшой фрагмент из итогового документа их «похождений» – приговора Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Эстонской ССР от 13 мая 1985 года: «Х. Лухтер и Я. Кальм, в период с 1979-го по 1983 г., по предварительному сговору, совместно и в одиночку, систематически похищали путем тайной кражи, с целью присвоения, государственное и общественное имущество из учреждений, предприятий, совхозов и колхозов, расположенных на территории Харьюского и Раплаского районов Эстонской ССР. Имущество, полученное преступным путем, с целью сокрытия, доставляли по месту жительства родителей Лухтера: Вийи и Аугустина Лухтеров, в их дом в сельской местности и надворные постройки, расположенные в Харьюском районе, сельсовете Саку, деревне Каземетса, а также по месту жительства отца Я. Кальма – Яана Кальма в Харьюском районе, сельский совет Саку, деревня Юкснурме». Этот «фрагмент» состоит из 11 доказанных квалифицированных краж, похищались строительные материалы, сантехника, электрооборудование, сверлильные станки, сварочные агрегаты, садовые трактора чехословацкого производства с навесным оборудованием и т. д. – все это тогда являлось дефицитом и

было востребовано на рынке. Причиненный ими ущерб для того времени был огромным и исчислялся десятками тысяч рублей.

«...» Таким образом, за указанный период времени «преступный дуэт» только на территории Эстонии похитил 12 автомашин «Москвич», «ГАЗ-69» и «УАЗ-469», часть из которых по поддельным документам оформили на себя и своих родственников, а большую часть продали покупателям в Якутскую АССР, Пензенскую, Саратовскую и Оренбургскую области, а два автомобиля были обнаружены и изъяты в Узбекской ССР. «...» Оформлять же на похищенный автотранспорт поддельные документы и сбывать его через комиссионные магазины от своего имени и через подставных лиц им помогала их знакомая А. Т. Соонетсе. Аве Тийтовна Соонетсе, 1963 года рождения, ранее не судима, не замужем, проживала в г. Таллине. «Общественно-полезным трудом», как тогда говорили, себя не обременяла, в ее трудовой книжке имелась запись о работе с мая 1982 года по август 1984 года в качестве ученика маляра в ремонтном участке ЖЭУ Калининского района г. Таллина, но и она была поддельной. «...»

Они еще и убийцы?

В один из дней июня 1984 года в моем кабинете раздался телефонный звонок из УУР УВД Новгородской области. Сыщики сообщили, что моими подследственными заинтересовались их коллеги из Главного управления уголовного розыска МВД СССР. «...» Я был лишь в общих чертах проинформирован, что их подозревают в убийстве сотрудника милиции. Сообщив, что скоро у меня будет встреча со следователем прокуратуры, ведущим дело по убийству, сотрудники уважаемой службы со мной расстались.

Для встречи с коллегой 26 июня 1984 года я был приглашен в Новгородскую областную прокуратуру. Им оказался Б. И. Уваров – на то время старший следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР, старший советник юстиции. Некоторое время спустя он станет известным всей стране в связи с расследованием таких громких и резонансных дел, как авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года, столкновение 31 августа 1986 года в районе Цемесской бухты под Новороссийском судов «Петр Васев» и «Адмирал Нахимов» с гибелью 423 человек, убийство тележурналиста Владислава Листьева в марте 1995 года. «...» В доверительной беседе Борис Иванович сообщил мне, что Лухтер и Кальм подозреваются в убийстве капитана милиции Буянова, совершённом в номере одной из гостиниц г. Грозного Чечено-Ингушской АССР, в соседнем номере которой, занимаясь реализацией похищенных автомашин, в то время останавливались мои подследственные. «...» Офицер милиции был задушен бечевкой. Нападение на него была произведено сзади и неожиданно. «...»

Направление преступного «промысла», физические данные моих обвиняемых, а также факт нахождения их в соседнем номере с Буяновым перед убийством позволяли обоснованно подозревать их в совершении этого преступления, но пока – не более того. «...» Я ответил категорично, что они воры и на «мокрое дело» не пойдут. В части ночлега в гостинице в Грозном оба были допрошены как мною, так и Уваровым Б. И. с моего разрешения. Подозрением в убийстве оба были сильно напуганы. Тем не менее они дали логичные и взаимосвязанные показания по обстоятельствам нахождения их в гостинице. «...» В дальнейшем проведенная с ними кропотливая оперативно-

следственная работа подтвердила непричастность моих фигурантов к убийству Буянова, а нахождение их в соседнем номере гостиницы было лишь случайностью. Это позволило снять с обвиняемых подозрение в столь тяжком преступлении.

Расплата

«...» В начале 1985 года объединенное уголовное дело в отношении Лухтера, Кальма и Соонетсе, насчитывающее в себе более десяти томов, было закончено расследованием и направлено для рассмотрения по существу в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда Эстонской ССР, которая и определила меру ответственности для каждого из обвиняемых. «...» Судебное разбирательство длилось долго. В процессе его Х. Лухтер симулировал душевнобольного, в связи с чем в отношении него была проведена комиссия судебно-психиатрическая экспертиза, признавшая его вменяемым. «...» Содеянное Х. А. Лухтером было квалифицировано по различным частям шести статей УК Эстонской ССР, основной из которых была ст. 93-1 УК ЭССР – хищение в особо крупном размере. По совокупности преступлений ему было назначено наказание в виде 15 лет лишения свободы, из которых три первых года подлежали отбытию в тюрьме, остальной срок – в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с конфискацией всего имущества. «...» Как следует из приговора суда, только от продажи похищенных автомобилей Х. Лухтер получил наживу в сумме 80 000 рублей.
Олег Николаев, бывший начальник СО при Шимском РОВД, заслуженный юрист РФ

Мне тогда почти что повезло – дали всего 15 лет строгого режима, из которых первые четыре с половиной года, как тогда говорили, «крытого режима», или «крытки», то есть их отсидеть я должен был не в колонии, а в камере в тюрьме. Так я попал в известный всем Владимирский централ. Здесь я оказался, как помню, единственным обитателем с «хозяйственными» статьями. Все остальные сидели за особо жестокие или серийные убийства.

Но сначала я попал не в их компанию, а в руки доктора-психиатра Рогова, который работал в тюремной больнице, – ведь перевели туда меня якобы с помутнением рассудка после попытки самоубийства. Уже потом я читал воспоминания некоторых диссидентов, которых он также там лечил.

По прибытии в тюремную больницу мне сделали несколько уколов, потом привязали к кровати руки и ноги, да еще туловище посередине, так что я вообще не мог пошевелиться, и доктор Рогов объяснил, что пролежать так я могу сколько угодно. Еще он рассказал, что лечить меня будут инъекциями сульфозина и галоперидола, от которых человек превращается в овощ, и если я не захочу быстро выздороветь, то через какое-то время стану стопроцентным импотентом. А чтобы я в тюремной палате не скучал, меня будет развлекать сосед. Им оказался щуплый чеченец небольшого роста лет 25, который сразу же принялся меня усердно бить по лицу. Такое лечение продолжалось четыре дня. Когда делали очередные уколы, я впадал в забытие, и мне казалось, будто я летаю по небу или прыгаю по прекрасным горам. А когда приходил в себя, было такое чувство, как будто у меня переломаны все кости. Есть я не мог, и мой сосед между сеансами «развлечений» с удовольствием съедал и мои порции. Однажды во время очередного осмотра доктор Рогов зашел в мою палату и очень весело стал меня хвалить: мол, какой я молодец, как быстро поправляюсь, какой у меня хороший и свежий цвет лица. Сам я при этом по-прежнему оставался привязанным к кровати. Доктор же на прощанье приветливо помахал мне рукой и соседу сказал, чтобы тот не забывал обо мне заботиться и хорошенько «развлекать». На четвертый день меня наконец освободили от пут. Я выздоров-

ливать не отказывался и через месяц оказался в общей камере, где сидело еще 18 человек. Когда я туда попал, я с трудом двигался и говорил и не мог удержать в руках даже матрац для своей койки. Как мне потом рассказали сокамерники, чеченец, что меня «развлекал», попал в тюрьму за убийство, а уже тут убил еще и женщину-надзирательницу, напав на нее с трубой. Его отправили лечиться, а потом оставили при тюремной больнице, чтобы он сам уже помогал «лечить» других заключенных.

Во Владимирском центральном, однако, я пробыл недолго. За хорошее поведение меня вскоре отправили в обычную колонию поближе к дому. Но и там я пробыл всего несколько лет. В Эстонии уже начали дуть новые ветры, пошли разговоры о выходе из СССР, а вскоре начали готовить и новый Уголовный кодекс. Летом 1989 года меня вызвали в спецчасть и дали на подпись большую кипу бумаг. Прочитав их, я узнал, что президиум Верховного суда Эстонии пересмотрел приговор по моему делу. Власти решили, что наказали меня так строго зря, потому что по новым правилам я был уже не спекулянт, а бизнесмен. В связи с этим мне уменьшили срок до того, что я уже на тот момент отсидел, и отпустили.

После этого я довольно долго занимался разными бизнес-проектами. Торговал металлами, которые в начале 90-х годов поездами и кораблями вывозили из России, однажды даже участвовал в переправке радиоактивных материалов. Их тогда тоже много предлагали на продажу разные люди из России, в том числе бывшие офицеры КГБ. Иногда случались скандалы, и полицейские в той или иной стране арестовывали такие грузы. Перевозились они, конечно, часто нелегально. В газетах писали, что за такими сделками стояли какие-то бандиты или даже террористы, якобы мечтавшие собрать ядерную бомбу или еще какое-то опасное оружие. Но на самом деле это было совсем не так. Основными покупателями радиоактивных материалов из России являлись научные или медицинские центры в самых благополучных странах мира. Там их используют при производстве сложной аппаратуры, для лечения раковых заболеваний и в разных других совершенно мирных целях. Покупать такие материалы официально очень дорого – рынок этот поделен между несколькими крупными корпорациями. А из России тогда такой товар предлагали хоть и подпольно, но много и дешево. И единственной проблемой было доставить груз заказчику. Насколько я знаю, получив нужные материалы, те или иные учреждения официально их регистрировали и сертифицировали согласно требованиям местных законов. И после этого произошедшим уже никто не интересовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.